

УРОКИ ХОЛОДНОГО ЛЕТА

Буськина Буськина

Уроки холодного лета

<https://litres.ru/74491179>

SelfPub; 2026

Аннотация

Восемнадцатилетняя Майя Коуп — отличница, запертая в стерильной атмосфере эмоционально холодного дома и бесконечных родительских ожиданий. Ее тихий мир переворачивается, когда в соседнем доме появляется Амадеус — харизматичный, взрослый мужчина с темным прошлым и опасным магнетизмом. То, что начинается как запретная страсть и слепая зависимость, быстро превращается в жестокий урок взросления.

Пройдя через круговорот безумной близости, разрушительной ревности и горького прозрения, Майя учится видеть изнанку чужих иллюзий. Сбросив розовые очки и оставив позади разбитое сердце, она обретает внутреннюю сталь. Но что произойдет, когда прошлое решит постучаться в ее дверь снова?

Глубокая психологическая драма о потере невинности, токсичной одержимости и о том, как закаляется настоящий характер накануне взрослой жизни.

Содержание

Предисловие автора	4
Глава 1. Отражения	5
Глава 2. Ритуал за стеклом	11
Глава 3. Порог запретного	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Буськина

Уроки холодного лета

Предисловие автора

Все события, персонажи и диалоги, изложенные на страницах этого романа, являются плодом художественного вымысла. Любые совпадения с реальными именами или жизненными ситуациями людей являются абсолютно случайными и непреднамеренными.

Данное произведение представляет собой исключительно литературно-художественный текст, созданный в жанре драматической прозы. Автор не ставил перед собой цель оскорбить, задеть или порочить честь, достоинство и деловую репутацию каких-либо реальных лиц, организаций или групп. Всё описываемые характеры, мотивы поступков и внутреннее переживания героев существуют только в рамках вымышленного сюжетного пространства и не имеют отношения к реальной действительности.

Глава 1. Отражения

Осень в штате Орегон всегда начиналась с дождей, которые превращали привычный мир в размытую, меланхолическую акварель. Мелкие капли бесконечно стучали по крышам, сливались в причудливые узоры на оконных стеклах и окутывали сонные пригороды густой, влажной дымкой. В таком же полупрозрачном, будто стёртом и изолированном от внешнего шума состоянии жила и восемнадцатилетняя Майя Коуп. В свои годы она обладала редкой, почти хрупкой, утонченной красотой. Густые, тяжелые каштановые волосы водопадом спадали на плечи, обрамляя бледное лицо с правильными чертами, аккуратным прямым носом и удивительно взрослыми, глубокими глазами. В её взгляде почти никогда не было легкомысленной юношеской беспечности — только редкая для её возраста сосредоточенность, аналитический склад ума и тихое, осознанное понимание того, что рассчитывать в этой жизни ей придётся исключительно на себя.

Майя одевалась просто, но со вкусом, предпочитая темные кофты оверсайз, удобные джинсы и мягкие свитера, в которые так уютно кутаться прохладными вечерами. Она не стремилась привлекать к себе лишнего внимания в школе, держалась особняком, хотя её уважали за безупречную успеваемость. Её жизнь текла по строгим, раз и навсегда заве-

дёнными правилами: бесконечные конспекты, подготовка к поступлению на медицинский факультет, горы тяжелых учебников по биологии, анатомии и органической химии, идеальный порядок на письменном столе. Для неё медицина не была просто профессией — это был способ упорядочить хаос, постичь устройство жизни и научиться контролировать то, что в обычном мире кажется необъяснимым и хрупким.

Её дом казался уютной крепостью снаружи, но внутри был пугающе, звеняще безмолвным. Это было просторное двухэтажное здание в сдержанном американском стиле, утопающее в ухоженном саду из вечнозеленых туй и клёнов. Днём здесь царила стерильная чистота, а по вечерам дом превращался в холодный, пустой музей. Родители Майи работают на правительство. Их служба носит закрытый характер: строгая секретность, ненормированный график, частые командировки и постоянное напряжение накладывали отпечаток на всю семью. Они виделись с дочерью лишь ранним утром. В эти короткие мгновения семья успевала обменяться дежурными вопросами о здоровье и учебе за чашкой свежесваренного кофе, прежде чем исчезнуть за тяжелой входной дверью до следующего рассвета. Дом жил своей собственной тихой жизнью, где шаги Майи по скрипучему паркету казались единственным звуком, нарушающим абсолютную тишину.

Напротив их коттеджа стоял точно такой же двухэтажный особняк, который пустовал последние полгода. Предыдущие

владельцы внезапно переехали, и дом долго ждал новых хозяев, постепенно обрстая атмосферой заброшенности. Окна его были занавешены плотными белыми жалюзи, на подъездной дорожке шуршали опавшие листья, а лужайка перед крыльцом потеряла свою идеальную ухоженность. Майя привыкла к этому молчаливому соседу напротив, пока однажды утром к нему не припарковался темно-серый пикап, доверху заваленный коробками, чемоданами и разобранной мебелью.

Майя заметила перемены сразу, едва выглянув в окно перед уходом в школу. Двое рабочих выгружали вещи, а рядом стоял высокий силуэт мужчины в черном пальто, отдававший короткие указания. Однако из-за своей привычки не вмешиваться в чужие дела, погруженности в учебу и постоянной нехватки времени она не придавала этому особого значения. Жизнь шла своим чередом, уроки сменялись репетиторами, а вечера — зубрежкой латинских терминов. До тех пор, пока не наступил тот самый вечер.

За окном бушевала непогода. Мелкий осенний дождь превратился в затяжной ливень, глухо барабанивший по черепице крыши и заливающий стекла сплошными потоками воды. Майя сидела за письменным столом в своей комнате на втором этаже. Настольная лампа отбрасывала мягкий круг света на раскрытые страницы тяжелого фолианта по анатомии человека. В комнате пахло старой бумагой, свежесваренным мятным чаем и ароматической свечой с нотками ванили.

Внезапно в доме напротив вспыхнул свет.

На втором этаже, в комнате, которая идеально зеркально отражала её собственную, зажглась яркая лампа с теплым, янтарным свечением. Плотные жалюзи были подняты, открывая то, что скрывалось за ними.

Майя невольно подняла глаза от строчек учебника. В круге света за панорамным окном сидел мужчина. На вид ему было около двадцати пяти лет — крепкое, мужественное телосложение, темные волосы, аккуратно зачёсанные назад, и резкий, сосредоточенный профиль. Он был одет в темно-серую рубашку с закатанными до локтей рукавами, обнажающими рельефные предплечья. Мужчина работал за ноутбуком, изредка хмурился, делая какие-то пометки в блокноте, или задумчиво отпивал что-то из кружки.

Сквозь стекло его левой руки было не рассмотреть в деталях, но, когда он поднёс ладонь к лицу, на его безымянном пальце отчетливо блеснуло массивное золотое обручальное кольцо. Эта деталь почему-то мгновенно привлекла внимание Майи. В двадцать пять лет — и уже женат. В её представлении это означало зрелость, стабильность, устроенный быт и человека, у которого есть всё, о чём она пока только размышляла в теории. При этом в самом доме царила странная, зловещая пустота: ни женского силуэта, ни мягких деталей интерьера, ни признаков того, что здесь кто-то ещё распаковывает вещи. Мужчина был один. Точно так же, как и она, запертый в четырех стенах большого дома.

Майя замерла, продолжая смотреть на него сквозь пелену дождя, разделявшего их прозрачной преградой. Она чувствовала себя абсолютной невидимкой, зрителем в тёмном зале театра, наблюдающим за чужой жизнью. Её дыхание стало чуть более частым, а пальцы крепче сжали край деревянного стола. Внутри поднялось странное, незнакомое прежде чувство — смесь юношеского любопытства, легкой тревоги и неожиданного эстетического притяжения к этому незнакомцу, чей мир так резко вторгся в её привычное уединение.

Неожиданно мужчина замер. Он резко прекратил печатать, будто почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд.

Он медленно поднял голову.

Его тёмные глаза в мгновение ока преодолели разделяющее их расстояние тёмной улицы и устремились прямо в тёмноту окна второго этажа — точно туда, где замерла Майя.

Её сердце пропустило удар, а в груди разлилась горячая, колючая волна паники и адреналина. На секунду ей показалось, что нужно срочно отпрянуть назад, дернуть шторы, спрятаться в тени своей комнаты. Но ноги будто приросли к полу, а тело сковало странное оцепенение. Она не отстранилась. Майя смотрела на него в ответ, чувствуя, как горят её щеки.

Мужчина не отвернулся. Майе показалось что угол его губ тронула едва заметная, но выразительная улыбка. В этом взгляде не было испуга — только осознание, оценка и неожиданно глубокий интерес.

Не разрывая зрительного контакта, он медленно поднял левую руку с тем самым массивным обручальным кольцом и неторопливо, почти интимно помахал ей пальцами, приветствуя свою тайную соседку, словно они были старыми знакомыми, живущими по разные стороны одной невидимой границы.

Воздух в комнате Майи стал тяжелым и густым. Мир вокруг словно сузился до размеров этого светящегося окна напротив, а тишина дома перестала казаться безопасной. Это был первый шаг через черту, первый крошечный разлом в её идеальном, упорядоченном мире, за которым неизбежно должно было последовать нечто большее.

Глава 2. Ритуал за стеклом

После того дождливого вечера привычный уклад жизни Майи Коуп, казалось бы, остался прежним, но на самом деле в нем сместились все внутренние оси. Снаружи всё выглядело неизменно: та же стерильная тишина просторного родительского дома по вечерам, те же горы тяжелых учебников по анатомии, органической химии и латыни, те же строгие конспекты и неукоснительное следование расписанию. Майя по-прежнему носила тёмные кофты размера оверсайз, аккуратно заплетала волосы и неизменно получала высшие баллы на тестах, отвечая на вопросы преподавателей с безупречной, почти механической точностью. Но внутри этой идеальной, выверенной оболочки что-то надломилось и зацвело, требуя к себе постоянного, почти болезненного внимания.

Каждый день, стоило только часам пробить девять вечера, когда за окном опускалась густая, влажная темнота орегонского пригорода, Майя ловила себя на том, что ее пальцы начинают дрожать над страницами учебников. Она подходила к окну — сначала медленно, будто бы случайно, проверяя, идёт ли дождь или просто раздвигая тяжёлые шторы на пару сантиметров. Но шторы больше не задерживались до конца.

В доме напротив неизменно вспыхивал янтарный свет. Это превратилось в тайный, безмолвный ритуал, в священнодействие, понятное только им двоим. Стоило Майе за-

нять своё место за письменным столом, как в окне второго этажа напротив появлялся он. Её сосед. Человек с тёмными волосами, сдержанными манерами и тяжёлым, пронзительным взглядом взрослого мужчины, который знал о жизни гораздо больше, чем все её школьные преподаватели вместе взятые. Он никогда не задёргивал шторы, словно намеренно оставляя себя на просвет, под прицелом её глаз. И каждый божий вечер, едва заметив её силуэт в проёме окна, Амадеус — именно так зовут соседа напротив, она впервые мысленно произнесла это имя, похожее на раскат грома и классическую мелодию одновременно, — он останавливал работу, поднимал руку и приветственно махал Майе.

Этот короткий жест каждый раз отзывался в её теле тугим, сладким ударом под дых. Майя замирала, чувствуя, как кровь приливает к щекам, и робко, едва заметно взмахивала в ответ, после чего её сердце ещё долго билось где-то в горле, мешая сосредоточиться на латинских терминах.

Дни тянулись в лихорадочном ожидании вечера. Школьные коридоры, гулкие разговоры одноклассников, обсуждения предстоящих экзаменов — всё это превратилось в блёклый, бессмысленный шум. Майя ловила себя на страшной, опьяняющей мысли: Амадеус вытеснил оттуда абсолютно всё. Он занимал девяносто процентов её мыслей, пропитывал её сны, заставлял её воображение рисовать картины, от которых у неё перехватывало дыхание. Когда она сидела на уроке биологии, слушая лекцию о строении человеческого

тела, перед её глазами стоял не анатомический плакат, а резкий, мужественный профиль Амадеуса, его сильные руки с закатанными рукавами рубашки и то самое массивное золотое кольцо на безымянном пальце. Кольцо, которое служило неммым напоминанием о том, что он принадлежит другой женщине, но почему-то совсем не сдерживало её фантазий.

Грань между простым девичьим любопытством и запретным, тёмным влечением окончательно рухнула в тот субботний полдень, когда погода неожиданно побаловала пригород редким для осени теплом.

Майя сидела на подоконнике своей комнаты, приоткрыв окно, впуская в комнату свежий воздух, и читала учебник по фармакологии, когда её взгляд случайно упал на лужайку перед домом напротив.

Амадеус вышел на улицу. Он решил заняться лужайкой или проверить почтовый ящик, но был одет лишь в спортивные штаны. На нем совсем не было рубашки.

Вся его фигура предстала перед ней во всей своей первобытной, зрелой мужской красоте. Широкие, покрытые легким загаром плечи, рельефные мышцы груди, тугой и плоский живот с дорожкой тёмных волос, уходящей под пояс, и мощные, сильные руки, каждая мышца которых наливалась силой при каждом движении. В нём не было ничего от кабинетного учёного; это был сильный, опасный и притягательный хищник, чья плоть излучала скрытую, первобытную энергию.

Майя замерла с раскрытой книгой в руках, забыв как дышать. Её пальцы судорожно впились в переплёт учебника, а по спине побежали горячие, испаряющиеся мурашки. Воздух в комнате мгновенно стал сухим и раскалённым. Она смотрела на него сверху вниз, чувствуя, как внутри неё пробуждается незнакомая, тёмная, почти животная страсть.

Это было уже не просто романтическое увлечение или симпатия одинокой девушки к взрослому соседу. Это было жгучее, мучительное, телесное желание. Глядя на то, как капли пота скатываются по его рельефной груди на солнце, Майя физически ощутила, как её собственное тело отвечает на этот образ резким внутренним спазмом. В её воображении вспыхнули картины, от которых у неё закружилась голова: ей безумно, до боли в кончиках пальцев хотелось ощутить его прикосновения на своём голом теле. Представить, как эти сильные, грубые от работы руки касаются её тонкой талии, скользят по её плечам, сминают её кожу, оставляя горячие следы. Ей хотелось почувствовать тяжесть его тела, услышать его дыхание в тишине спальни, раствориться в нём без остатка, забыв про правила, запреты, родителей, институт и его чужое кольцо на пальце.

Когда Амадеус закончил возиться во дворе и на секунду поднял голову, посмотрев прямо на её окно — словно почувствовав этот тяжёлый, плавающий взгляд, полный невысказанного вожделения, — Майя едва не выпала из окна. Она резко отпрянула вглубь комнаты, прижав ледяные ладони к пыла-

ющим, горячим щекам, но было поздно. Пожар внутри неё уже разгорелся в полную силу, и пути назад больше не существовало.

Глава 3. Порог запретного

Осенний прохладный воздух жёг легкие, когда Майя выходила из ворот школы. Обычный гул голосов одноклассников, шелест сухих листьев под подошвами ботинок и монотонный гул проезжающих мимо машин — всё это казалось донельзя далёким, почти несуществующим. Последние дни её реальность разделилась на две неравные части: серое, механическое существование за партой и яркое, почти галлюциногенное предвкушение вечера, когда в окне дома напротив зажжётся янтарный свет. После того субботнего дня, когда она увидела Амадеуса с оголённым торсом, её мысли превратились в навязчивый мотив. Каждая клетка её юного тела помнила тот образ, требуя продолжения, требуя прикосновений, о которых она боялась говорить вслух.

Она шла привычной дорогой домой, опустив голову и кутаясь в воротник тёмного пальто, когда у обочины притормозил знакомый тёмно-серый пикап. Дверца со стороны водителя мягко хлопнула, и на тротуар ступил он.

Амадеус был одет в строгий синий костюм, но галстук был слегка ослаблен, а верхняя пуговица рубашки расстёгнута, обнажая загорелую кожу. Вблизи он казался ещё выше, ещё внушительнее, излучая ту самую опасную, уверенную энергетику взрослого мужчины, от которой у Майи мгновенно перехватило дыхание.

— Салют, соседка, — его голос оказался чуть ниже, чем она предполагала, с лёгкой, приятно убаюкивающей хрипотцой, от которой по спине побежали мурашки. — Ты каждый день ходишь пешком в такую погоду? Замёрзнешь ведь. Садись, подвезу.

Майя замерла, чувствуя, как кровь приливает к лицу, а сердце совершает дикий кувырок в груди. Отказаться было бы глупо, да она и не собиралась. Кивнув, она обошла машину и забралась на пассажирское сиденье. В салоне пахло дорогим мужским парфюмом с нотками горького миндаля и кожи — этот запах мгновенно впитался в её сознание, став ещё одним синонимом Амадеуса.

Машина тронулась с места. Поездка занимала всего несколько минут, но для Майи они растянулись в вечность. Она сидела тихо, боясь пошевелиться, боясь выдать то безумное напряжение, что сковало её тело. Амадеус вёл машину одной рукой, лениво переключая передачи, и время от времени бросал на неё короткие, оценивающие взгляды из-под тёмных ресниц. От этих взглядов внутри всё плавилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.